И. А. Самарин

ФОРТИФИКАЦИЯ НА КУНАШИРЕ[1]

Первобытные фортификационные сооружения

В отечественной литературе первая и единственная попытка интерпретировать весьма туманные сведения о ранних фортификационных сооружениях на Курильских островах была предпринята М. М. Прокофьевым. В ряде своих выступлений и публикаций он декларировал сенсационное, но слабо аргументированное заявление о том, что «Курилы, несмотря на островное положение, так же, как Сахалин и Хоккайдо, в эпоху раннего средневековья являлись объектом экспансии многих государств Восточной Азии: Китая, Монголии и Японии. Неудивительно поэтому, что ...население островов было вынуждено возводить как простейшие, так и более мощные в инженерном отношении укрепленные поселения – крепости (форты), способные противостоять долговременной осаде»[2]. Эти соображения были высказаны на основании единственного известного ему источника – перевода статьи Коно Цунэкити «Часи – айнские крепости (Эдзо)».

На Кунашире Ц. Коно не был, исследований сам там не проводил, а список айнских крепостей на этом острове составил на основе письменных источников. При этом он выявил четыре места, в названиях которых присутствует слово «часи»[3]. Однако отсутствие описаний и четких топонимических и топографических привязок «крепостей» к местности придает недостаточный информационный потенциал этой статье, имеющей сугубо библиографический характер.

На основе анализа японской карты острова Кунашир 1923 года (М 1: 50000), а также справочника топонимических названий[4] автором настоящей статьи был составлен список местностей, имеющих в своем названии слово «часи».

1. Камуй часи (убежище, жилище бога). Расположено на берегу Кунаширского пролива, в устье реки Кривоножка (р-н м. Ивановский).

2. Яриури часи (часи на высокой скале). Расположено в 6 км к юго-западу от урочища Третьяково.

3. Камуй часи кот (бывшее часи бога). Расположено на м. Красный.

4. Часи кот (бывшее часи). Расположено в устье безымянного ручья в 2 км к северо-востоку от м. Прасолова.

5. Венчаси кот (бывшее плохое часи). Расположено в устье реки Рогачевка.

6. Часи кот (бывшее часи). Расположено в 2 км к востоку от урочища Серноводск в районе мыса Водопадный (рис. 1).

Полевое обследование нескольких мест (№ 1, 5, 6) показало как отсутствие видимых на поверхности следов поселений (котлованов жилищ, валов, рвов), так и удобных для размещения убежищ природных объектов (останцов, мысовидных террас). Не исключено поэтому, что здесь термином «часи» называли не поселение с естественными преградами (мыс, останец), а сезонное поселение равнинного типа, окруженное палисадом. Тем более, что автор ныне широко применяющегося термина «часи» Ц. Коно не исключает существования такого типа поселений.

Анализ и апробация «топонимического» метода выявления укрепленных поселений, таким образом, показали его недостаточность как в качестве основы для проведения полевых исследований, так и в качестве материала для построения серьезных теоретических выкладок. Не исключая вспомогательной роли этого

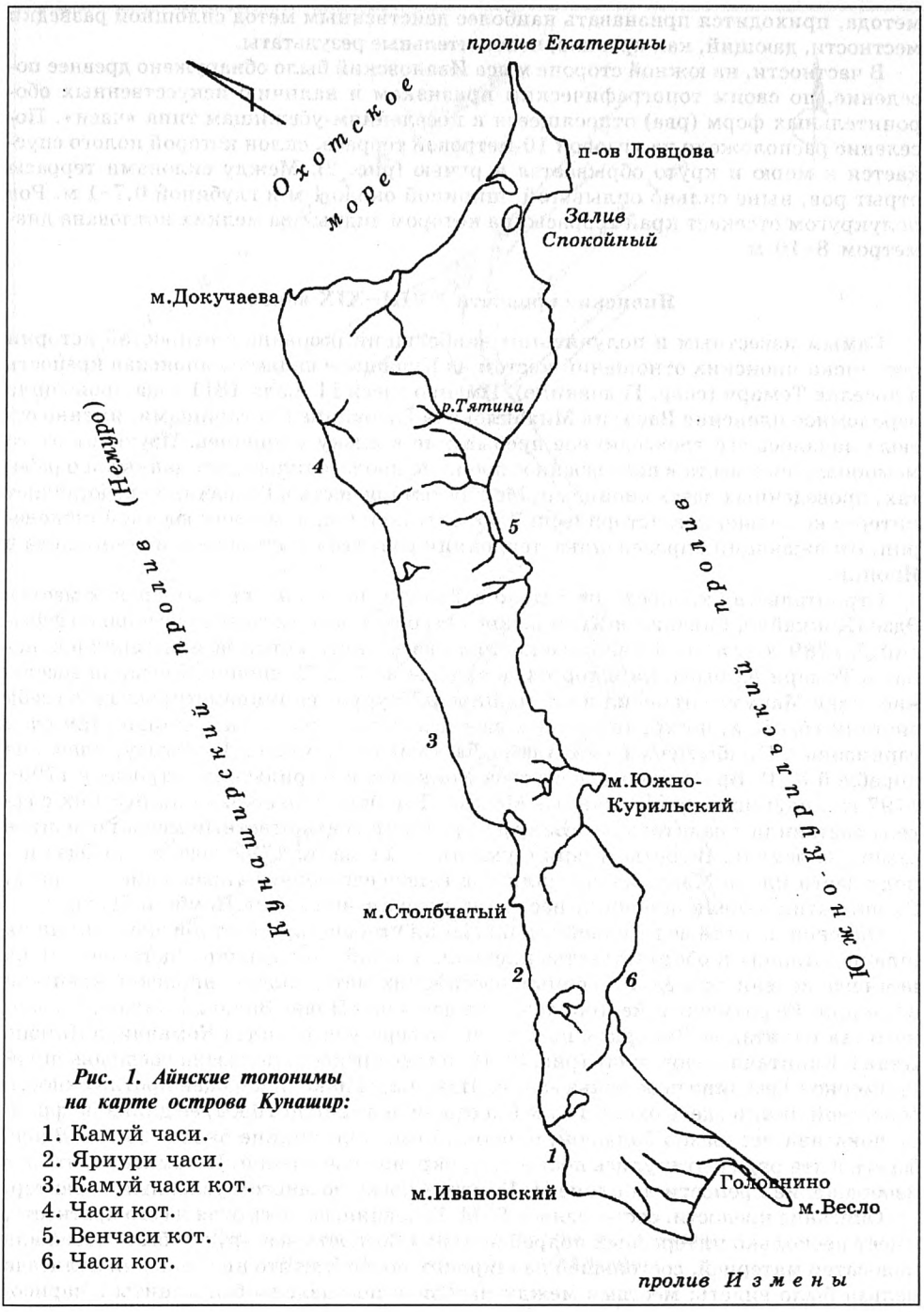


Рис. 1. Айнские топонимы на карте острова Кунашир:

1. Камуй часи.
2. Яриури часи.
3. Камуй часи кот.
4. Часи кот.
5. Венчаси кот.
6. Часи кот.

метода, приходится признавать наиболее действенным метод сплошной разведки местности, дающий, как правило, положительные результаты.

В частности, на южной стороне мыса Ивановский было обнаружено древнее поселение, по своим топографическим признакам и наличию искусственных оборонительных форм (рва) относящееся к поселениям-убежищам типа «часи». Поселение расположено на угловой 10-метровой террасе, склон которой полого спускается к морю и круто обрывается к ручью (рис. 2). Между склонами террасы отрыт ров, ныне сильно оплывший, шириной около 1 м и глубиной 0,7–1 м. Ров полукругом отсекает край террасы, на котором видны два мелких котлована диаметром 8–10 м.

Японские крепости XVIII–XIX веков

Самым известным и получившим наибольший резонанс в непростой истории российско-японских отношений местом на Кунашире является японская крепость в поселке Томари (совр. Головнино). Именно здесь 11 июля 1811 года произошло вероломное пленение Василия Михайловича Головнина с товарищами, именно отсюда началось его трехгодичное пребывание в плену у японцев. Изучения этого мемориального места в послевоенное время не производилось, нет данных и о работах, проведенных здесь японцами. Между тем крепость в Головнино представляет интерес не только как исторический объект, но и как памятник военной инженерии, отражающий определенные тенденции развития фортификационного дела в Японии.

Строительству крепости не только в Томари, но и в некоторых других местах Эдзо (Хоккайдо, Сахалин и Курильские острова) предшествовало несколько событий. В 1789 году айны Кунашира подняли восстание против засилья японцев, напав в Томари на рыбалки и торговые склады и убив 22 японца. Усмирив восстание, клан Мацумаэ отменил на Кунашире и Итурупе скомпрометировавшую себя систему «басё» и, построив в самых важных местах крепости, поставил там свои гарнизоны[5]. Прибытие миссии Адама Лаксмана в Нэмуро в 1793 году, плавание кораблей У. Р. Броутона возле берегов Хоккайдо и Курильских островов в 1796–1797 гг., неутешительные данные Могами Токунай о продвижении русских с севера заставили правительство Бакуфу предпринимать ответные меры по защите северных земель. В соответствии с указом от 11 марта 1799 года земли Эдзо из-под власти клана Мацумаэ перешли под непосредственное управление Сёгуната. Охрану этих земель поручили нести гарнизонам из кланов Намбу и Цугару[6].

Опуская известные подробности плавания второй кругосветной экспедиции на шлюпе «Диана» и обстоятельства пленения российских моряков, остановимся на немногочисленных и единственных российских материалах о японской крепости в Томари. Ее размеры и местоположение даны на «Плане Залива Измены, названного так капитаном Рикордом по взятии, на берегу его, в плен Командира Шлюпа Дианы Капитана Головнина» (рис. 3). На плане крепость показана расположенной примерно в середине побережья залива Измены, однако при общей протяженности береговой линии здесь около 14 км (на самом деле около 10 км) ее длина по фронту показана несуразно большой, около 3,5 км, при ширине около 1,5 км. Вдоль берега в два ряда вытянулись постройки, окруженные стеной. Несомненно, что это изображение крепости на плане П. Рикорда носит во многом условный характер.

Описание крепости, составленное В. М. Головниным, несмотря на его краткость, имеет несколько интересных подробностей: «Крепость вся кругом была обвешана полосатой материей, состоявшей из широких полос, так что ни стены, ни палисада нельзя было видеть; местами между материей поставлены были щиты с нарисо-

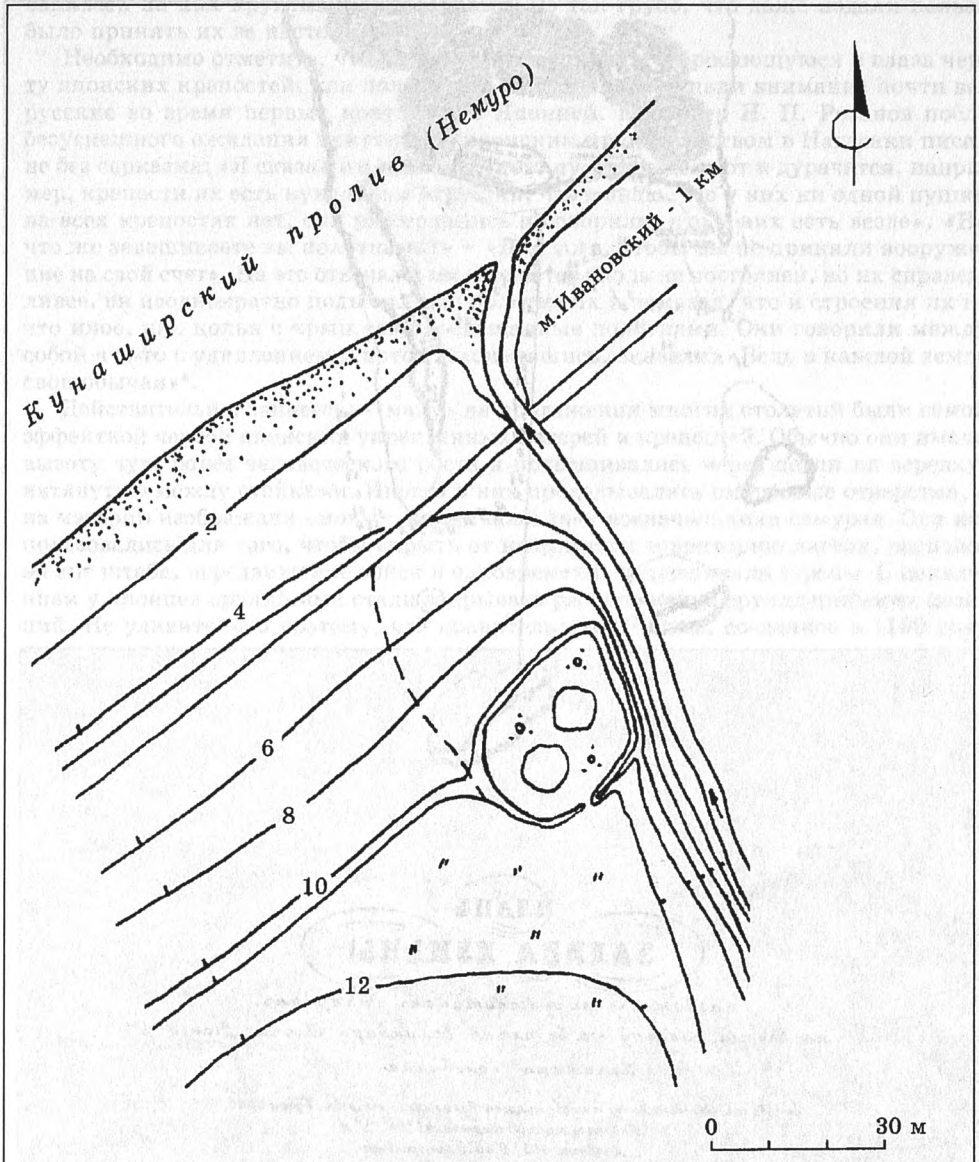
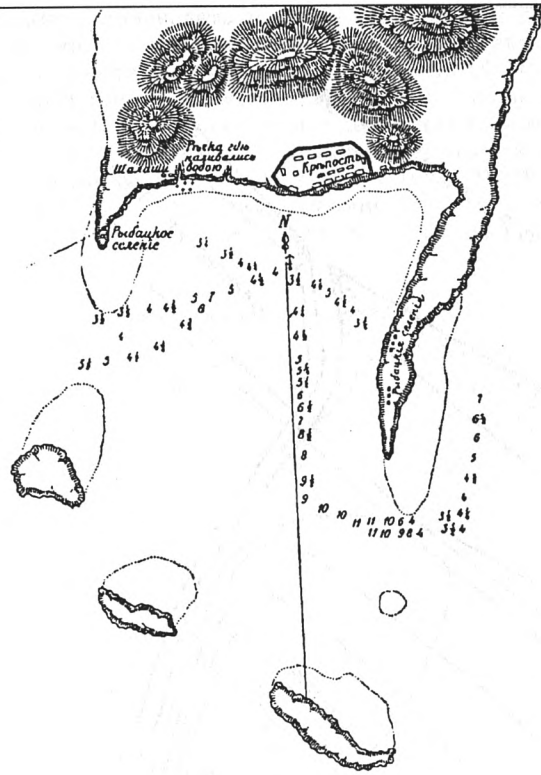


Рис. 2. План укрепленного поселения типа «часи». Мыс Ивановский-2. Остров Кунашир.



ПЛАНЪ
ЗАЛИВА ИЗМѢНЫ

названнаго такъ Капитаномъ Рикордомъ,
по взятіи, набережу его, въ плѣнъ Командира Шлюпа Діаны
Капитана Головнина

Заливъ сей находится на южной сторонѣ Курильскаго острова Кунашира.
Якорнаго мѣста: Широта 43°44'25" N
Долгота 145°9'46" О отъ Гренвича.

Италіянскія мили
1 2 0 1 2 3 4 5 6 7 8 9

Рис. 3. План залива Измены.
Копия из первого издания книги В. М. Головнина
«В плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 гг.».

ванными на них круглыми амбразурами, но так грубо, что даже издали нельзя было принять их за настоящие батареи»[7].

Необходимо отметить, что на такую характерную и бросающуюся в глаза черту японских крепостей, как полотнища на стенах, обращали внимание почти все русские во время первых контактов с Японией. Камергер Н. П. Резанов после безуспешного ожидания контактов с японским правительством в Нагасаки писал не без сарказма: «Я сказал им, что они много пустяков делают и дурачатся, например, крепости их есть кукольные игрушки, что я знаю, что у них ни одной пушки на всех крепостях нет, они рассердились и говорили, что у них есть везде». «На что же завешиваете вы полотнами?» – «Для того, чтобы вы не приняли вооружение на свой счет». На это отвечал я им, что ветер сколь не постоянен, но их справедливее, он неоднократно подымал мне полотна их и показал, что и строения их не что иное, как колья с крышками, обвешанные полотнами. Они говорили между собой что-то с удивлением и потом, засмеявшись, сказали: «Ведь в каждой земле свои обычаи»[8].

Действительно, занавески-«маку» на протяжении многих столетий были самой эффектной чертой японских укрепленных лагерей и крепостей. Обычно они имели высоту чуть более человеческого роста и подвешивались через петли на веревку, натянутую между стойками. Иногда в них проделывались смотровые отверстия, а на материи изображали «мон» – фамильный знак военачальника-самурая. Они использовались для того, чтобы скрыть от неприятеля территорию лагеря, расположение штаба, передвижение войск и одновременно задерживали стрелы. С появлением у японцев орудий ими стали закрывать расположение артиллерийских позиций. Не удивительно поэтому, что правительство Сёгунов, созданное в 1190 году

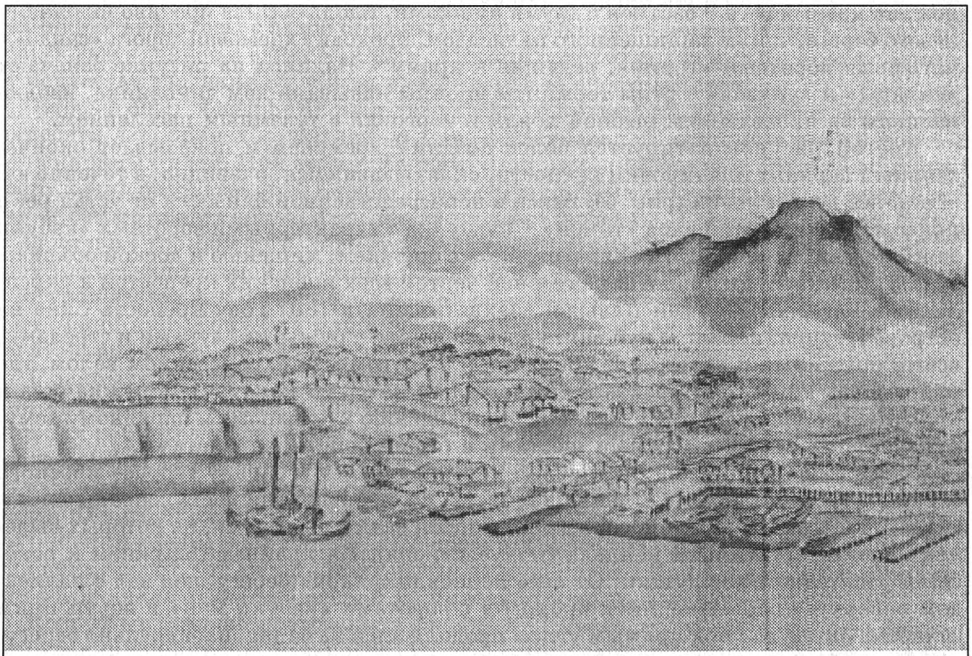


Рис. 4. Крепость Томари. Японский рисунок XIX в.

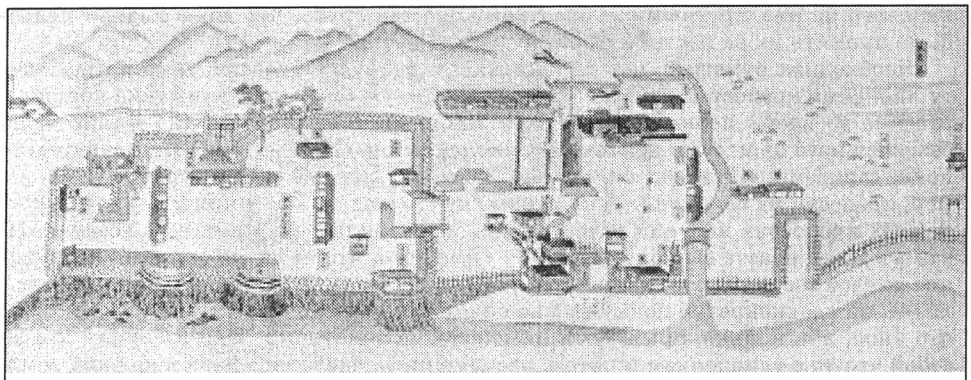


Рис. 5. Крепость Томари.
Японский рисунок.

князем Ёритомо, стало называться «бакуфу» – правительство военачальников, прибывших из лагеря с «маку»[9].

Детальную планировку крепости в Томари можно увидеть на двух японских рисунках. Один из них выполнен в обычной для средневековой Японии манере «чокан-зухо» – вид с птичьего полета (рис. 4). По нему можно легко идентифицировать расположение крепости – правый берег реки Головнина в западной части пос. Головнино. Здесь видны четыре больших дома, окруженных валом и палисадом, на краю берега – бастион с двумя пушками. Вдоль обрыва противоположного левого берега, также защищенного палисадом, проходит храмовая дорога «сандо» с четырьмя воротами-«тории», ведущая к храму[10]. Надписи на рисунке означают «склады» и «ундзёя» – этим термином японцы называли дом чиновника, наблюдавшего за проведением рыбной ловли и торговли с туземным населением.

Другой рисунок датируется более поздним временем и показывает окончательный вариант планировки крепости, складывавшейся, очевидно, в течение нескольких десятилетий (рис. 5). Здесь в непосредственной близости от устья реки показан центральный вход «тамон» – караулка с характерными воротами «кабуки мон» и расположенными за ними стойкой с оружием, мишенью и доской объявлений. Такие караулки были характерной чертой всех японских крепостей и укрепленных лагерей. Мичман Давыдов, захвативший в 1807 году крепость Сяна на острове Итуруп, писал: «Гауб-вахта досталась нам с ружьями, луками и стрелами, всеми оружиями и значками, кои были и в другом месте, обнесенном валом, где находилась другая гауб-вахта и дом начальника»[11]. От караулки дорожка шла к колодцу, расположенному слева, и по направлению к большому и нарядному дому, отмеченному двумя высокими шестами с развевающимися флагами.

Слева от караулки, на постепенно повышающейся к западу террасе морского берега, располагалась собственно крепость. Ее фронтальная часть, обращенная к морю, образована крутыми, обрывающимися к заливу склонами, на которых выделены три выступающих ронделя (полубастиона). На крайнем (ближнем к реке) были размещены две пушки. От него перпендикулярно берегу шел вал с палисадом наверху, прерывающийся проходом с воротами «кабуки мон» и внутренним захабом. Затем вал под прямым углом продолжался на запад, параллельно берегу, и двумя уступами подходя к краю террасы, поворачивал на юг, замыкая внешний периметр сооружения. На уступах также находились ворота, обращенные на север и имевшие внутренние захабы. На образованном краем террасы и валом простран-

стве в форме неправильного прямоугольника П-образно располагались три длинных здания. Вероятно, это были «баншо» – казармы для гарнизона.

При словах «японские крепости» невольно возникает образ окруженного водой мощного замка с массивной многоэтажной центральной башней «тэнсю» под черепичной кровлей и крепостными стенами, склон которых напоминает крейсерский нос боевого корабля конца XIX века. Действительно, японские замки «сиро» являются заметным явлением в истории фортификации, однако они стали создаваться только в XVI веке не без влияния достижений европейской инженерной мысли и появились одновременно с проникновением в Японию импортного огнестрельного оружия. Создаваемые в период враждующих государств, они были оплотом в междоусобной борьбе, а в период сёгуната Токугава стали символами незыблемой централизованной власти. С этого времени удельные князья даймё должны были спрашивать разрешение у сёгуна на строительство своего замка. Без специального разрешения правители кланов могли строить только что-то вроде огражденного лагеря или укрепленного дома «дзиня»[12]. Именно этот тип легкого земляного фортификационного сооружения, известного с периода раннего средневековья, был наиболее распространенным и сохранился вплоть до второй половины XIX века.

Несмотря на достаточно ранние контакты с достижениями материковой фортификации Кореи и Китая, японцы воспринимали иностранные строительные методы довольно-таки вяло и неохотно. Китайские авторы периода династии Тан (618–907 гг.) писали, что японцы не имеют замков, а строят только бревенчатые палисады, в то время как китайцы строили замки из камня. Типичным для средневековой Японии был тип романского лагеря, то есть квадратный вал с палисадом наверху, окруженный рвом[13]. Такая инертность в восприятии новой строительной техники объяснялась, с одной стороны, извечной боязнью землетрясений, а с другой – любовью японцев к единоборствам, в которых исход сражения зависел целиком от искусства владения оружием, а не от мощи крепостных стен.

Первый опыт общения Японии с европейской культурой, длившийся около восьмидесяти лет, привел к появлению здесь огнестрельного оружия и новых фортификационных идей. При этом в Японию «пришли» как традиционные защитные сооружения средневековой Европы – замки, постепенно уходящие там в прошлое, так и самые современные фортификационные проекты. Среди последних были изобретения германского инженера Альбрехта Дюрера, предложившего в 1527 году идею фронтальной обороны, состоявшей из выдвинутых за пределы стены выступов-бастей для размещения на них орудий. Бастеи, или рондели, пришли на смену башням с зубцами и машикулями – выступами для сброса камней на головы атакующих[14].

С закрытием страны в 1638 году поступление новых фортификационных веяний сюда практически прекратилось. К тому же период Токугава был самым мирным периодом в японской истории, и великолепнейшие замки так и не были востребованы для демонстрации их силы, так что военное развитие Японии находилось в застое вплоть до ее открытия европейцами в середине XIX века. В сочинении Кикава Масаёси «Иллюстрированная военная тактика» 1748 года помещены рисунки квадратных палисадов, деревянных смотровых башен «ягура» и т. д. Они показывают, что методы обороны, применявшиеся в Японии в XVIII веке, мало чем отличались от бытовавших в значительно более раннее время[15].

Крепость в Томари, построенная в конце XVIII века, являлась типичным образцом традиционного средневекового укрепленного лагеря «саку», или «ки», палисадного типа, дополненного новыми фортификационными идеями, пришедшими из Европы. Характерным признаком ее является умелая «привязка» к местности, где обрывистая береговая полоса с успехом заменила фронтальный вал. Строи-

тели здесь только выделили площадки – бастеи для размещения орудий. На фоне общего развития фортификационного дела крепость эта является, конечно, устаревшим и не отвечающим требованиям XIX века оборонительным сооружением. Не случайно мичман Давыдов заметил по поводу крепости в Сяна, что «сии крепости могли их защищать разве от курильцев»[16]. Тем не менее японские крепости на южных Курильских островах являются интересными памятниками истории и инженерного искусства, нуждающимися в изучении.

Полевые исследования, проведенные автором на месте крепости в пос. Головнино, выявили следующую ситуацию. Правый берег реки Головнина в предустьевой части представляет собой относительно ровную луговину, на 2 м возвышающуюся над уровнем моря. В 120–130 м к западу от берега реки начинается достаточно крутой скат 5–6-метровой террасы, перед ним сохранился 4-метровый останец явно искусственного происхождения, расположенный в непосредственной близости от обрыва террасы, обращенного к заливу. Здесь произведена зачистка обнажения, в которой был выявлен профиль искусственного вала (рис. 6). Поверхность 5–6-метровой террасы сильно разрушена, здесь отмечен ленточный бетонный фундамент японского дома, край террасы прорезан дорогой, и за ней расположены постройки компании «Аква Трейд». Вся территория завалена остатками автомобильной и тракторной техники и другого металлического лома.

Таким образом, приходится констатировать, что территория собственно крепости, то есть места, ограниченного валами, практически полностью уничтожена, причем процесс этот начался еще в период колонизации Курильских островов японцами. В начале XX века пос. Томари превратился в центр добычи морского гребешка. На сравнительно ограниченном пространстве, где располагалась крепость, находились почта, «большая и добротная школа, а также великолепный храм. Рядом с храмом стоит колокольня с гигантским колоколом, в который в туманную погоду бьют два раза в день. Разносившиеся по всей округе звуки колокольного боя указывают рыбакам путь к берегу»[17]. Остатки бетонного основания «колокольни» сохранились до настоящего времени.

Тем не менее перспективным для дальнейшего исследования методом археологических раскопок местом является останец, представляющий собой, вероятно, фрагмент крайнего пушечного бастиона. На перспективность такой работы указывают нередкие случаи находок местными жителями японского вооружения периода XVIII–XIX веков, обнаруженные на месте крепости. Самыми распространенными являются находки металлических наконечников копий. Они односторонне выпуклые, треугольные в сечении, с длинным насадом (рис. 7 б). Подобные наконечники имелись среди оружия, захваченного Хвостовым и Давыдовым после разгрома японской крепости Сяна на Итурупе и хранящегося ныне в фондах МАЭ РАН[18]. Другой характерной находкой является боевой топор-алебарда (рис. 7 а).

* * *

Не менее интересным для дальнейшего обследования объектом является крепостное сооружение, расположенное в районе озера Ильинское на западном побережье острова Кунашир. Это место является приметным даже на фоне известных памятников природы, характерных для островного ландшафта. В узкой (шириной около 500 м) долине расположено озеро, отделенное от береговой линии Кунаширского пролива невысокой (до 3 м) песчаной террасой. На ней расположено самое крупное древнее поселение на острове, насчитывающее 63 котлована древних жилищ. В южной части поселения, на мысу, образованном берегом пролива и протокой из озера, находится крепостное сооружение, стены которого сложены из камней (рис. 8).

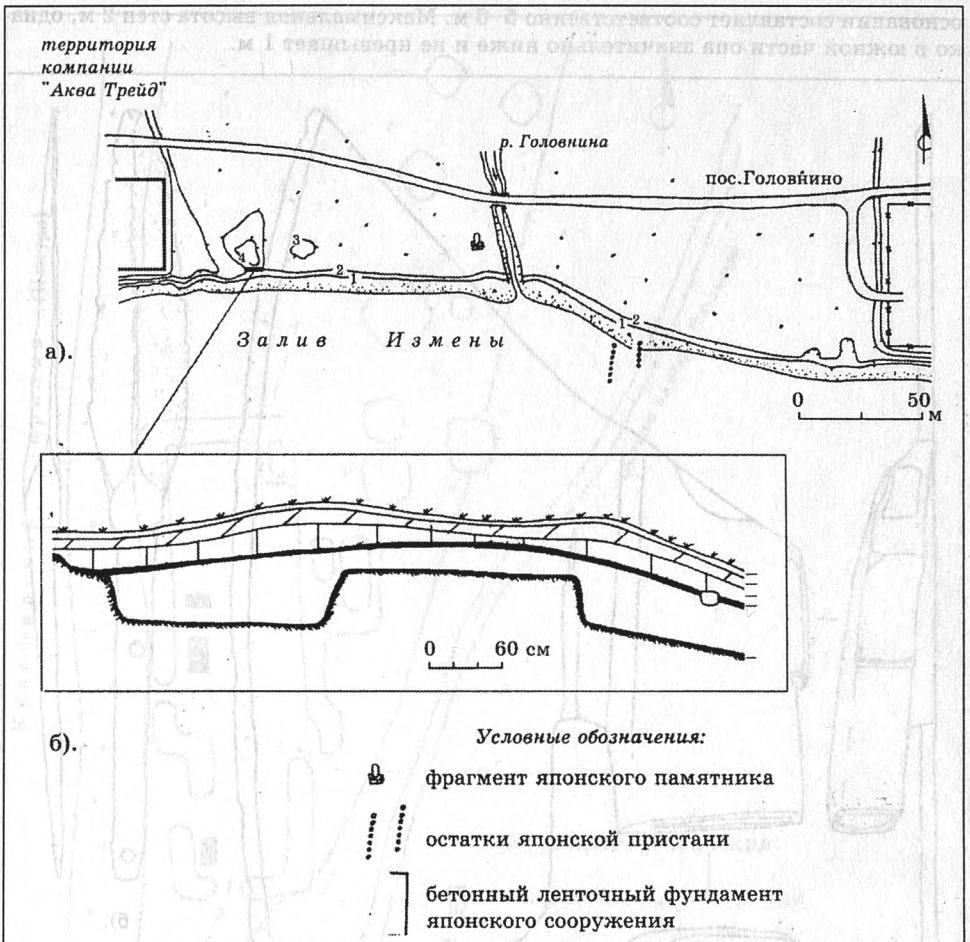


Рис. 6. План расположения остатков крепости Томари (а) и профиль крепостного вала (б). Пос. Головнино. Остров Кунашир.

Сооружение прямоугольное в плане, его длина составляет 90 м, ширина 30 м, но в южной части стены образуют угол-уступ, за счет чего ширина здесь уменьшается до 20 м. В южной части в стенах имеется 4 прохода, однако не исключено, что два из них, на торцовой и фронтальной стенах, сделаны позднее и не соответствуют первоначальному проекту. Проход, обращенный к протоке, имеет захаб, проход на фронтальной стене за счет смещения продольных осей стены также может быть расценен как имеющий такой же дополнительный защитный элемент (рис. 9). На стороне, обращенной к протоке, имеется уступ размером 10 х 20 м, на котором прослежены котлованы двух вытянутых камер, также разделенных стеной. Наружные стены этого сооружения выложены крупными (до 0,5 м) необработанными валунами с применением циклопической кладки. Ширина стен по верху составляет 4–5 м, при этом они имеют столь незначительный уклон, что ширина в

основании составляет соответственно 5–6 м. Максимальная высота стен 2 м, однако в южной части она значительно ниже и не превышает 1 м.

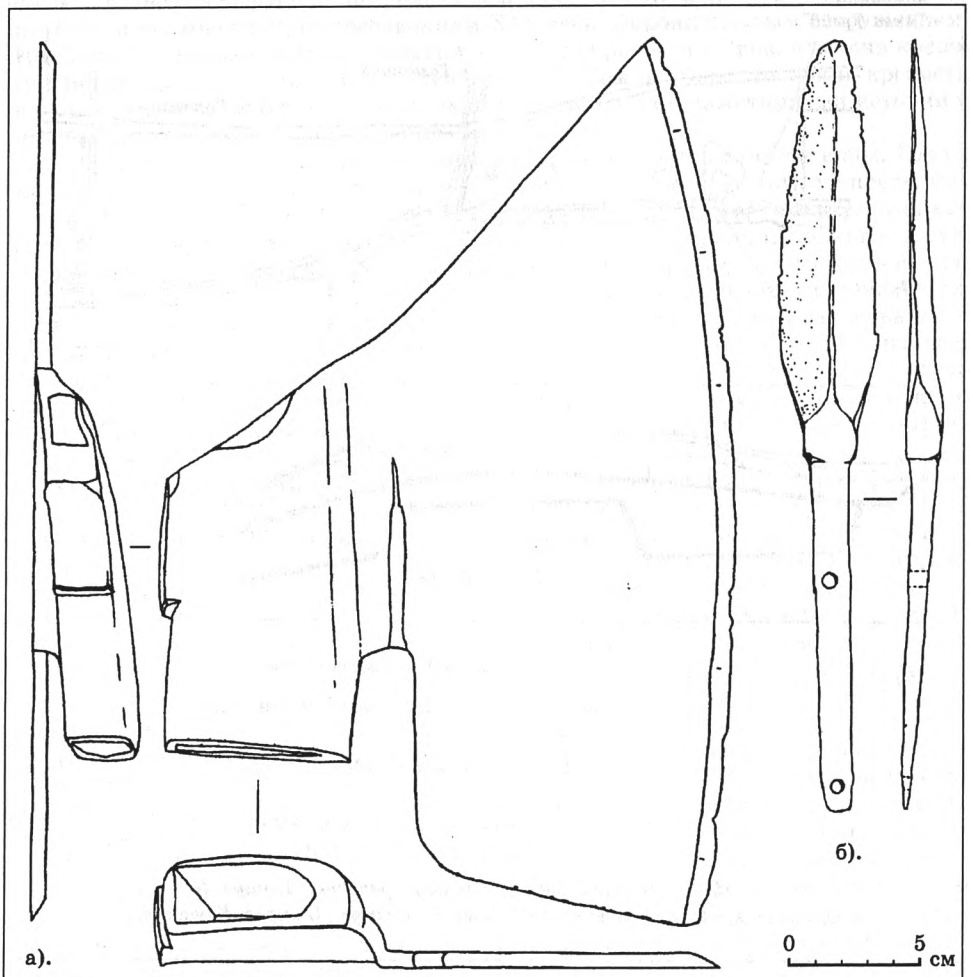


Рис. 7. Боевое вооружение японцев XVIII–XIX вв., найденное на месте крепости Томари (пос. Головнино, о. Кунашир):
а) алебарда,
б) наконечник дротика.

Датировка и культурная принадлежность этого сооружения пока проблематичны, так как археологических исследований, даже рекогносцировочных, здесь еще не проводилось. Невозможно и проведение сравнительного анализа из-за отсутствия данных об аналогичных каменных сооружениях как на территории российского Дальнего Востока, так и в сопредельной Японии. В качестве рабочих

Рис. 8. План крепостного сооружения на озере Ильинское. Остров Кунашир.

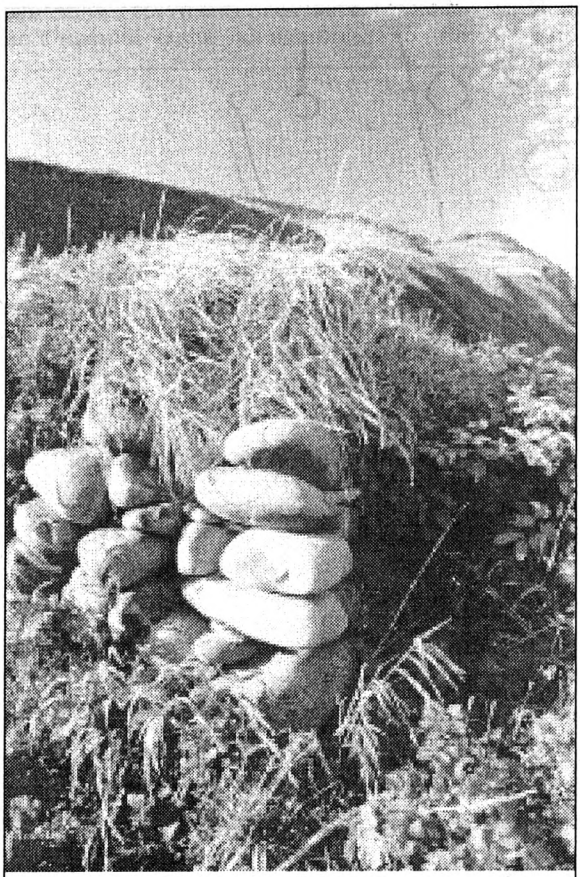


Рис. 9. Проход в стене.
Крепость на оз. Ильинское. Остров Кунашир.

гипотез можно говорить о трех вариантах происхождения каменной крепости:

1. Непосредственно примыкающая к территории древней стоянки крепость могла быть построена обитателями полуподземных жилищ.

2. Может быть вторым после находки «Кунаширского сфинкса»[19] аргументом в пользу предположения о китайской экспансии на Курильские острова. Главным же проявлением здесь «китайского» следа является использование при строительстве камня, что нехарактерно для оборонительных сооружений Японии эпохи средневековья.

3. Крепость построена японцами. В пользу этого говорит ее планировка, в принципе схожая с планировкой крепости в Головнино. Расположение сооружения на берегу, с которого прекрасно виден остров Хоккайдо (п-ов Сиретоко), может расцениваться как желание иметь на берегу пролива небольшой наблюдательный пост. Вместе с тем на всех известных картах Кунашира XVIII–XIX вв. в этом месте столь важный объект не показан. Не обозначен на картах в районе озера Ильинское также выход тропы с океанского побережья на западный берег острова.

Долговременные оборонительные сооружения периода второй мировой войны

Кунашир, в отличие от имевших важное стратегическое значение для ведения войны в Тихом океане островов Шумшу, Парамушир и Матуа, играл в планах японского командования второстепенную роль. После падения японского гарнизона на острове Сайпан в июле 1944 года военная мощь США стала особенно очевидной для японцев, которые стали готовиться к обороне собственно Японии. В соответствии с планом «Шо Го» на побережьях стала строиться противодесантная оборона. Не были исключением и Курильские острова. Летом 1944 года опорные пункты стали возводиться на островах Уруп, Итуруп, Кунашир и Малой Курильской гряде. На Кунашире противодесантные опорные пункты в апреле – августе 1944 года были построены в районе Фурукамаппу (ныне Южно-Курильск) и Си-

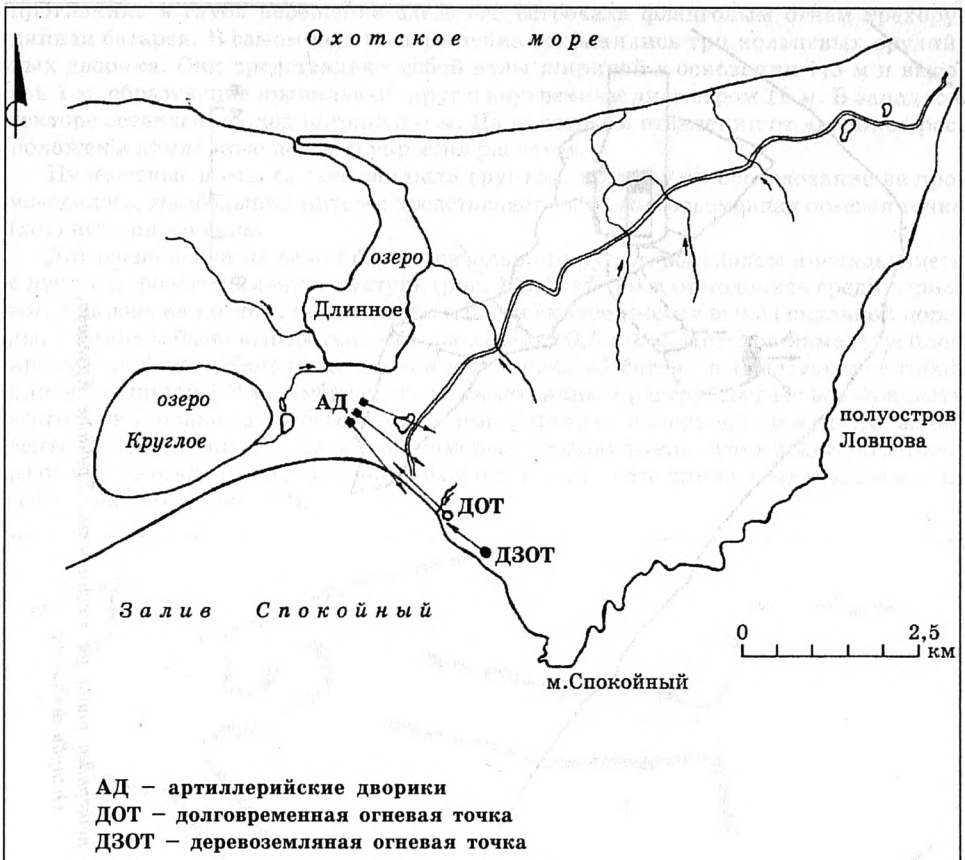


Рис. 10. План расположения противодесантного узла сопротивления. Перешеек Кругловский. Остров Кунашир.

ранукадомари (ныне урочище Круглово). В послевоенное время в районе Южно-Курильска гражданское и военное строительство шло особенно активно, поэтому следов японской обороны здесь практически не сохранилось. В северной части острова активная хозяйственная деятельность в советское время не велась, и фортификационные сооружения периода второй мировой войны не пострадали.

Остатки японской противодесантной обороны были обнаружены на побережье залива Спокойный в урочище Круглово (рис. 10). Выбор этого места был не случаен. Низменный перешеек Кругловский шириной 4,5 км представляет собой удобный проход с Тихоокеанского побережья на берег Охотского моря. Еще более облегчает этот путь озеро Длинное, расстояние до которого от побережья чуть более километра (рис. 10). Для уничтожения высадившегося противника на восточном берегу залива на крутых склонах сопок были устроены пулеметные долговременные и деревянно-земляные огневые точки. В случае дальнейшего продвижения

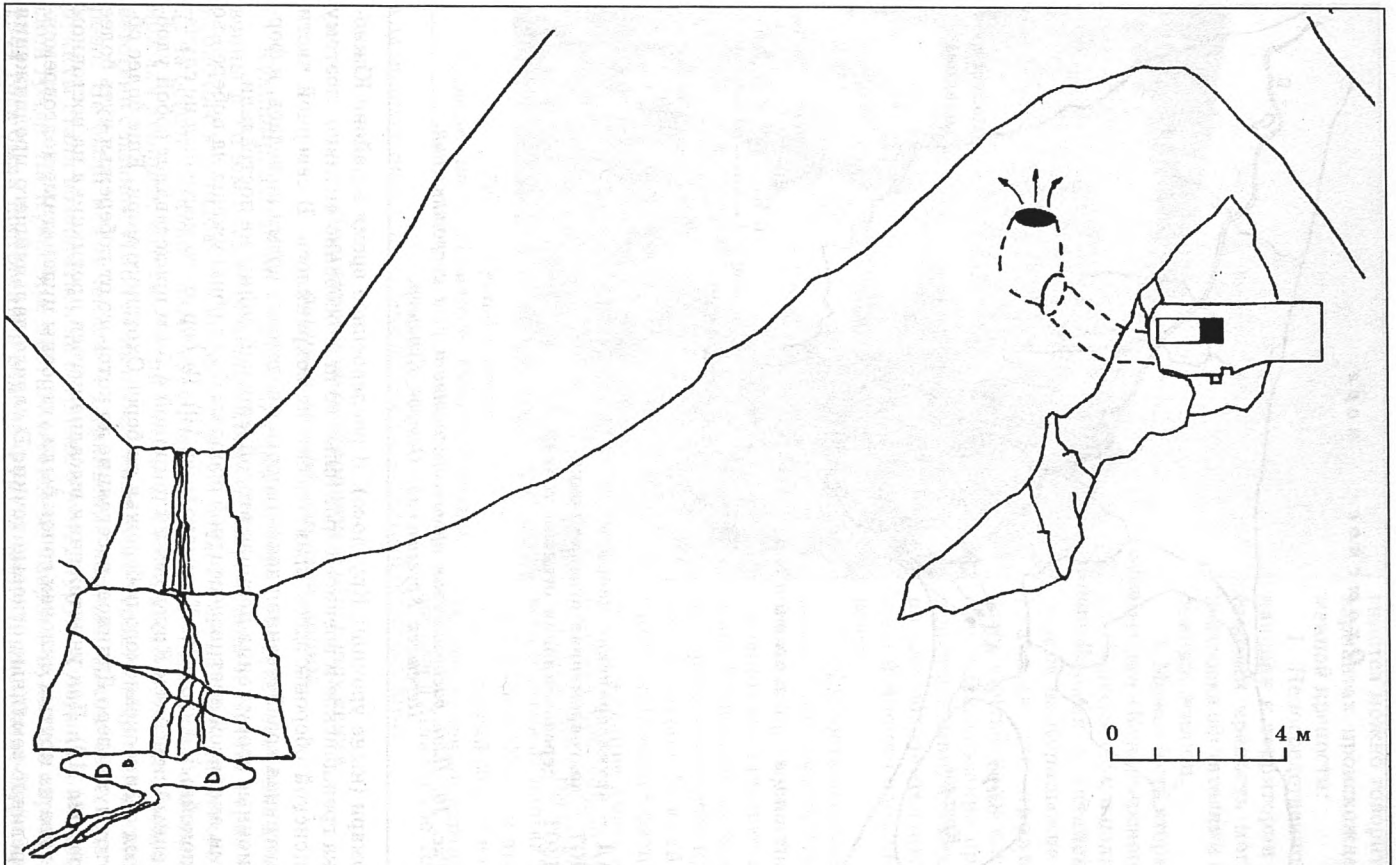


Рис. 11. Положение дота пещерного типа на местности. Урочище Круглово. Остров Кунашир.

противника в глубь перешейка здесь его встречала фланговым огнем трехорудийная батарея. В самом центре перешейка сохранились три кольцевых орудийных дворика. Они представляют собой валы шириной в основании 1,5 м и высотой 1 м, образующие правильный круг с внутренним диаметром 16 м. В западном секторе оставлен проход шириной 6 м. На некотором отдалении от двориков расположены командные посты и укрытия расчетов.

Пулеметные дзоты сильно заплыли грунтом, поэтому их обследование не производилось. Наибольший интерес представляет собой долговременная огневая точка (дот) пещерного типа.

Дот расположен на левом берегу небольшого ручья, водопадом ниспадающего с шестиметрового каменного уступа (рис. 11). В 15–20 м от водопада среди дернового покрова на крутом, почти вертикальном склоне имелся выход скальной породы, в котором была выработана камера-каземат 3,5 х 4 м. Потолок камеры усилен крепью из бруса. Напольная стенка выполнена из бетона и представляет собой плиту толщиной 1,8 м. Амбразура с асимметричным раструбом дает возможность вести огонь только вдоль береговой линии. Справа от напольной стенки проделана вентиляционная шахта. Из боевой камеры в сторону русла ручья ведет зигзагообразный ход-тоннель. Ход в конце завален породой, и его длина в настоящее время составляет 26 м (рис. 12).

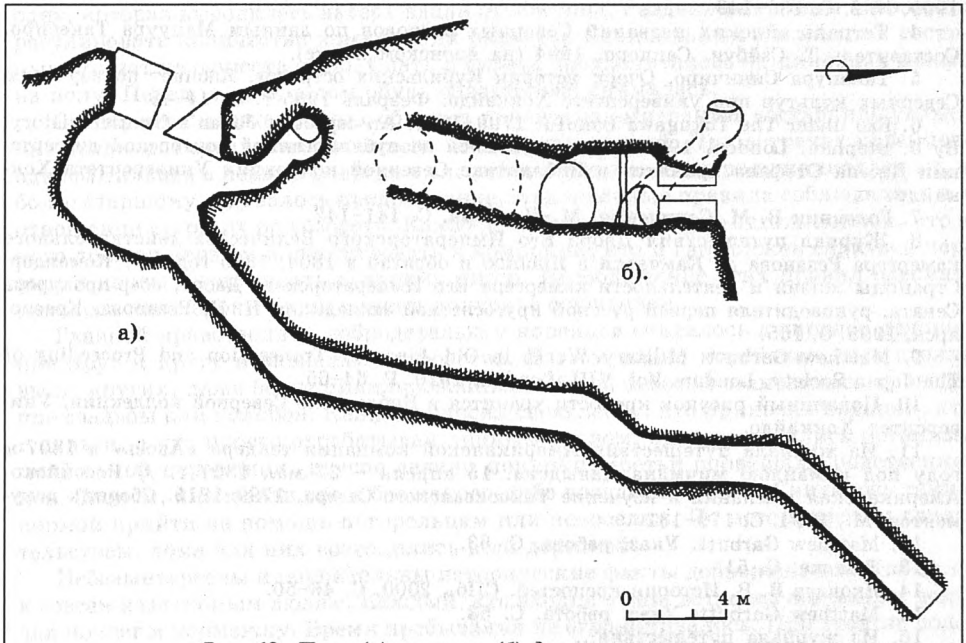


Рис. 12. План (а) и разрез (б) дота пещерного типа. Противодесантный узел сопротивления на Кругловском перешейке. Остров Кунашир.

* * *

Таким образом, предварительные обследования на острове Кунашир показали наличие фортификационных сооружений, относящихся к различным эпохам: от первобытности до новейшего времени. Перспективными направлениями для даль-

нейших работ являются выявление новых укрепленных поселений типа «часи», включающее ревизию письменных источников, дальнейшее обследование крепостных сооружений на озере Ильинском и в пос. Головнино методом археологических раскопок. Предполагается также дальнейшее выявление долговременных сооружений периода второй мировой войны на островах Малой Курильской гряды.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Эта статья написана на основе полевых исследований, проведенных автором на о. Кунашир в сентябре 2001 г. совместно с к.и.н археологом О. А. Шубиной, в рамках программы по паспортизации памятников истории и культуры Южно-Курильского района. Автор благодарит начальника отдела культуры администрации Южно-Курильского района Г. В. Глушкову, начальника специальной морской инспекции Д. В. Сокова, старшего научного сотрудника заповедника «Курильский» И. А. Неведомскую за оказанную помощь в проведении работ.

2. Прокофьев М. М. Курилы в эпоху камня и раннего средневековья: к проблеме происхождения и взаимоотношения островных культур с древними цивилизациями Дальнего Востока и Японии// Курильские острова: история, современность, перспективы. Тезисы научных докладов научно-практической конференции, посвященной 300-летию освоения Курильских островов русскими людьми. Секция «История, культура, образование». Южно-Сахалинск, 1997. С. 16–17.

3. Коно Цунэкити. Часи – айнские крепости (Эдзо) // Краеведческий бюллетень. 1999. № 2. С. 139–143.

4. Тетрадь айнских названий Северных островов по данным Мацуура Такесиро. Составитель Т. Сэйбун. Саппоро, 1994 (на японском языке).

5. Такакура Синичиро. Очерк истории Курильских островов. Кабинет по изучению Северных культур при университете Хоккайдо. Февраль 1955 г. С. 44–45.

6. Ezo under The Tokugawa Bakufu, 1799–1821. An aspect of Japan's frontier history. By J. Stephan. London, 1960. Копия рукописи неопубликованной докторской диссертации Джона Стефана хранится в Библиотеке Северной коллекции Университета Хоккайдо.

7. Головнин В. М. Сочинения. М.–Л., 1949. С. 141–142.

8. Журнал путешествия Двора Его Императорского Величества действительного камергера Резанова из Камчатки в Японию и обратно в 1804, 1805 годах // Командор. Страницы жизни и деятельности камергера Его Императорского Двора, обер-прокурора Сената, руководителя первой русской кругосветной экспедиции Н. П. Резанова. Красноярск, 1995. С. 165.

9. Matthew Garbutt. Military Works in Old Japan // Transaction and Proceeding of The Japan Society, London. Vol. VIII. London, 1910. P. 64–65.

10. Подлинный рисунок крепости хранится в Библиотеке Северной коллекции, Университет Хоккайдо.

11. Из журнала путешествия Американской компании тендера «Авось» в 1807-м году под командою мичмана Давыдова. 15 апреля – 27 мая 1807 г. // Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1799–1815. Сборник документов. М., 1994. С. 179–181.

12. Matthew Garbutt. Указ. работа. С. 63.

13. Там же. С. 51.

14. Яковлев В. В. История крепостей. СПб., 2000. С. 46–50.

15. Matthew Garbutt. Указ. работа. С. 53.

16. Из журнала путешествия...

17. Sten Bergman, D. Sc. Sport and Exploration in the Far East. London, 1933. P. 143.

18. Ксенофонтова Р. А. Из истории собирания японских коллекций Кунсткамеры (XVIII – начало XIX в.) // Сборник МАЭ. Т. 25. Л., 1969. С. 294, 295, 303. Синицын А. Ю. Оружие и боевое снаряжение японских самураев. Каталог коллекций МАЭ. СПб., 1999. С. 116.

19. Самарин И. А. О первых находках ранних памятников монументального искусства на Сахалине и Курильских островах // Краеведческий бюллетень. 1995. № 2. С. 120–122.